

Пелевина Катерина

Пелевина Катерина

Нарушая запреты

«Литнет»

2024

Катерина П.

Нарушая запреты / П. Катерина — «Литнет», 2024

Егор всегда меня недолюбливал. С самого детства, как только я появилась в доме Яровых. Я думала, со временем эта ненависть угаснет, но нет... К сожалению, она только росла. Мы с ним тоже выросли, и он до сих пор не считает меня родной. Девочка из детдома никак не входит в круг близких ему людей... Общение со мной, ровно, как и дружба для него – запрет. Хорошо, что он уже год как уехал учиться за границу. Я надеюсь, он там задержится, и мы с ним больше никогда не пересечёмся... Добро пожаловать в историю Егора и Алины Яровых. Содержит нецензурную брань

© Катерина П., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	14
Глава 5.	16
Глава 6.	18
Глава 7.	20
Глава 8.	22
Глава 9.	24
Глава 10.	26
Глава 11.	28
Глава 12.	31
Глава 13.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1.

Алина Яровая (Сиротка)

– Мам, помочь?

– Не надо, дорогая, всё хорошо, сейчас папа мне поможет, ты иди готовься. Завтра важный день, помнишь?

– Конечно, помню, – улыбаюсь я.

Ведь завтра день сдачи экзаменов для поступления в университет, который я выбрала. В принципе я готова. Где-то мама поднатаскала. Она в экономике ас. Мне очень повезло с родителями. Повезло, что когда-то они меня забрали. Я обожаю свою семью. Абсолютно всех... Только... Боюсь одного его. Правда сейчас его давно нет рядом.

Егор уже год как не здесь. Не в городе и даже не в стране. Он учится в Германии на юриста. Большого я не знаю. Порой захожу в его профиль в социальной сети, но меня нет у него в друзьях, поэтому для меня там отображается слишком мало информации. Зато с Васей и Даней мы общаемся прекрасно. Это мои племянники как бы... Дети Гордея...

Он, кстати, тоже очень хороший. В своё время они приняли меня как родную. А сейчас я думаю, пора вылететь из гнезда. Мама и папа много в меня вложили, я боюсь быть для них обузой, хотя, наверное, никогда таковой для них не стану, но в силу мягкого характера, я всё время опасаясь обидеть кого-то... Или помешать.

Иду к себе наверх в комнату и на всякий случай повторяю материал. Всё-таки вступительные экзамены – это важно, но мама на все сто во мне уверена. Надеюсь, я не подведу. И папу тоже...

До самой ночи я готовлюсь, а утром он везёт меня в тот самый университет.

– Помнишь, как я учил?

– Если чего-то не могу вспомнить, оставляю напоследок и делаю следующее.

– Молодец. Всё получится. Ты сдашь, – убеждает отец.

Протягивает мне кулак возле ворот, а я вцепляюсь в его плечи.

– Пап, спасибо. Я тебя люблю. Обними маму за меня.

– Обниму, дочка. И не бойся ничего. Я тебя ещё сильнее люблю.

Воспрянув духом, я тащусь в это огромное пугающее величественное здание, но я почти уверена, что мне здесь будет комфортно. Просто сейчас из-за стресса и стены давят.

Уже там я знакомлюсь с парой девушек, тоже поступающих. Мы садимся неподалеку друг от друга и нам раздают задания. Убеждаю себя, что всё получится. Всё-таки в меня верят столько людей, я не могу их подвести.

Помню. Я всё помню. И всё знаю. Я сдам.

Час на решение четырех задач по экономике. Я справлюсь.

Мысленно засекаю минуты. Всё идёт как по маслу, мне даже не приходится откладывать на «потом», и я сдаю работу даже раньше положенного, полностью уверенная в результате. Преподаватель говорит, что списки будут вывешены в холле через пару часов, а пока мы с этими девочками Вaley и Ниной идём в кафе неподалеку.

– А ты из какой школы?

– Из третьей гимназии, а вы?

– Мы из восемнадцатой. Как написала, всё решила?

– Вроде, – пожимаю я плечами. – Надеюсь.

– Я тоже. В этом универе столько симпатичных парней учится. Ты видела?

– Эм, нет, я не смотрела на парней...

– А что такое? Есть свой? – улыбается Валя. – Колись!

– А... Да нет. И не было никогда. Просто как-то не до отношений...

– Хм... А ты очень красивая, Алин. Наверное, тебя в школе мальчишки обожали...

Ага... Как вспомню, что Егор рассказал всем, откуда я. И, естественно, меня там не взлюбили. Я всегда и везде была лишней. Для всех одноклассников так и оставалась приёмным до самого выпускного. Уж не знаю, почему они так на меня взелись. Но факт остаётся фактом...

– Нет, не особо, – отвечаю, опуская взгляд. – А вы будете от родителей кататься?

– А ты как хочешь? Общага? Мы думали об этом...

– Но?

– У меня аллергия на чужой храп и общий душ, так что... Нет... – добавляет Валя, вынуждая меня улыбнуться.

– Понятно...

За разговорами время проходит незаметно, и мы идём обратно, чтобы узнать набранный для прохождения балл.

Ищу свою фамилию в списке и... 95.

– Ура!!! Я сдала!

Девчонки тоже прыгают от счастья.

– И я, и я!

– Здорово, я за вас рада, – искренне говорю я, ведь теперь у меня на учёбе будут знакомые. А это уже немало важно для социализации в университете.

Мы ещё немного болтаем, а потом расходимся по домам. Я не хочу звонить маме и папе, хочу сделать им сюрприз. Покупаю торт в кондитерской, хотя я больше люблю мамины. Но она, наверное, устала. А я ещё не научилась так хорошо печь. Сколько бы не старалась, так вкусно, как у мамы не получается. Однако эта лавка тоже славится неплохими сладостями. Поэтому я беру торт здесь.

Разуваюсь и залетаю в гостиную, где мама сидит у папы на коленях и читает ему книжку. Так мило. Зная, сколько трудностей они перетерпели, до сих пор не могу понять за что им это. А ещё... Восхищаюсь. Вот бы мне встретить такую любовь когда-нибудь...

– Мам... Паааап... Я сдала. На 95. Прошла...

– А мы ничуть и не сомневались, – мама встаёт и тут же идёт ко мне. Обнимая, целует меня в лоб. – Умница, доченька... Папа там тебе подарок на поступление приготовил.

Слыша это, я стою как вкопанная, а папа тянется в карман и достаёт оттуда ключи от авто.

– Ты ведь выучилась на права, значит, и машина у тебя должна быть.

– Не верю своим глазам, Господи, папа, спасибо! – я вцепляюсь в него и чувствую, что глаза начинают слезиться.

– Ну, ты чего? Эй, Алин. Пойдём смотреть...

Оказывается, папа поставил её в гараж. Вот почему я её не увидела.

И когда он открывает его... О, боже... Я тут же выхожу из-за его спины с открытым ртом.

– Пап... Это же Ауди... Дорого же...

– Ну не каждый же день дочь поступает в универ, да?

– О, мой Бог...

Я просто хожу вокруг и глажу её, как замороженная... Будто это не машина, а дикий зверь у нас в гараже.

– Пообедаем сейчас и поедем прокатимся, хорошо?

– Конечно... Папа, спасибо ещё раз. Это нечто... Но так дорого...

– Не за что, Алина. Вся в мать. Та тоже подарки не умела принимать, – отмахивается он, хихикая. Самое прекрасно, никто из них никогда не напоминает откуда я. Что папа, что мама делают вид, что я им родная... И только Егор всё время называл меня обидными прозвищами. Ему было смешно. Сиротка, подкидыш, Маугли... Всё это я терпела от него в детстве и не знала, как дать отпор. Зачастую просто плакала, его наказывали и заставляли извиняться... Но отношение никак не менялось... Зато теперь без него хоть дышится спокойно. Он ведь часто

был у бабушки и дедушки в гостях, вот и травил меня, как умел. Словно хотел выдавить из их семьи. Не знаю уж, что было у него на уме, но мне было очень больно.

После обеда мы едем покататься с отцом. Он подсказывает мне многое, потому что практики не было, и я туплю. Но к вечеру мы приезжаем счастливые и довольные результатом.

– Всё отлично, сможешь спокойно ездить в сентябре сама на пары.

– Даааа, пап, это кайф...

Сжимаю руль и просто хочется расцеловать весь салон.

Мы с отцом заходит в дом и радуемся, и нас встречает мама.

– Ну как, дорогие?

– Прекрасно, Алинка у нас профи. Скоро лучше Гордюхи водить будет.

– Ага, куда мне до него?! – смеюсь я.

– Руки мойте, садитесь. Мне Милана звонила. Егор возвращается. Какой-то конфликт с деканом... Я так и не поняла. В общем... Он снова подал документы, – сообщает мама, а у меня сердце в груди не знает куда себя деть. Нет... Нет, нет... Только не Егор, пожалуйста!

– И в какой универ он подал документы? – сглатываю я, скрещивая пальцы за спиной.

Только не в мой, прошу. Только не в мой.

– В тот же, что и ты. Вместе будете учиться.

Земля уходит у меня из-под ног. Я вращаюсь и хочу упасть в обморок. Комната становится спичечным коробом для меня... Господи, как же катастрофически мало кислорода...

Я так и слышу за спиной его мерзкое:

– Привет, ну, как дела, Сиротка?

И по коже вновь бегут колючие ужасающие мурашки...

Глава 2.

Алина Яровая (Сиротка)

– Я чуть попозже ужинать, извини, мам, – бегу в комнату, пребывая в истерике. У меня ладони вспотели, а тело дрожит, будто я увидела призрака.

Ну почему... Почему из всех имеющихся университетов, он выбрал именно мой? Почему? Это специально?

Он ведь не даст мне там жизни... Он снова заставит всех считать меня лишней. Ничтожной. Дурной кровью, как он меня называет. Я не вынесу его присутствия!!! Господи, помоги!

Я знаю, мама меня чувствует, и поэтому через полчаса слышу стук в дверь...

– Войдите.

– Алин... Дочка... Ты из-за Егора расстроилась? – заходит мама внутрь. Я строю несчастную гримасу и киваю. Нехотя жалуюсь. Просто мне так обидно, что он снова хочет мне всё сломать. – Девочка моя... – мама присаживается рядом и обнимает меня. А я рыдаю.

– Мам... Зачем ему именно это место? Я мечтала об этом универе. А он будто специально... Помнишь, что было в школе?

– Помню, родная, – вздыхает она. – Но он ведь тоже вырос. Не может он всю жизнь тебя задирать. Тебе восемнадцать. Ему почти двадцать. Не думаю, что он всё ещё настроен на конфликты...

А вот я думаю, как раз наоборот. Он точно на них настроен. Вспоминая последнюю нашу встречу чуть больше года назад, мороз бежит по моей коже снова и снова...

– Оооо, и ты здесь, Маугли, я уж думал, тебя вернули обратно...

– Ты издеваешься, Егор? Я живу здесь уже почти двенадцать лет.

– И что? Думаешь, особенной стала? Как была чужой, так и осталась.

– Как ты можешь быть таким жестоким?

Он усмехнулся. Подошёл в упор, вынуждая меня отпрянуть назад в ужасе.

– Вот видишь... Ты не наша кровь. Яровые ничего не боятся. А ты лишь жалкая трусиха, да и только. Надеюсь, когда-то ты это поймёшь и исчезнешь из этого дома сама, чтобы не бесить меня лишним раз, тётушка.

И как я должна была бороться с ним? По сути он прав. Я ему не кровь. И да, я трусиха. Была ею и осталась... Поэтому сейчас, когда мама говорит, что он изменится... Что всего этого может уже и не быть, мне не верится. Я всё ещё боюсь.

– А что если да? Что если... Он захочет выгнать меня из университета?

– Малыш, я с ним поговорю. Он не будет больше таким. Не маленький ведь. Прошло бунтарство. Тем более, Гордей точно накажет его за тот конфликт...

– А что произошло?

Мама оглядывается.

– Я папе не стала говорить... И ты не говори... У него была интимная связь с деканом. Ей тридцать шесть... Вот узнали и понеслось. Кто-то выложил в сеть информацию. Её уволили, а его рекомендовали отчислить. У них строго с этим.

– О, боже мой. Фу...

– Алин, только тсссс... Не говори никому, ладно? Для семьи секрет...

– Хорошо, мам, я поняла, не скажу, – смотрю я ей в глаза. – Но я его боюсь... Он меня ненавидит...

– Может, он боится тебя?

– Меня? Егор? – нервно смеюсь я в ответ. – Он ничего не боится... – мотаю я головой.

– С самого первого дня я это поняла.

Он действительно отличается. Всегда говорит то, что думает. Не боится конфликтовать. Лезет на рожон. Берёт то, что хочет. Он и в школе таким был, и по её окончанию...

Сколько бы отец не пытался его осадить, было бесполезно. Характер у него... Достался за всю семью. И я не знаю, как смогу совладать с ним. Чем старше, тем хуже...

– Посмотрим, ладно, Алин? Он ещё даже не поступил. Может всё будет между вами нормально... Егор – характерный мальчик, но он хороший. Я ведь знаю его с рождения... Просто так бывает, что люди не ладят. Это не значит, что ты какая-то не такая или он. Может просто... Нет точек соприкосновения...

– Ага, – выдыхаю, уткнувшись в её плечо.

– Ну, всё, доча. Пойдём ужинать, папа уже заждался. Идём...

– Хорошо, мам...

Месяц спустя

– Отлично. И с парковой... Просто блеск, дочь. Так держать.

Отец в очередной раз учит водить. Я осматриваюсь в боковые зеркала и снова начинаю выезжать с парковочного, как вдруг...

– О, ну, не удивительно. – Егор нагло выставляет ладони на капот, а я перестаю дышать.

– Привет, дед! – взмахивает он рукой. – Ты как ей такую детку доверил? Она же даже выезжать с парковки не умеет.

И снова этот пренебрежительный тон. Это осуждение и отторжение.

– Слышь, Егорыч, отошёл, а, – рывкает отец. – Загородил, блин, проезд.

Егор ухмыляется, но всё же слушается отца, а я всё равно не могу пошевелиться. Они уже виделись по его возвращению в страну, знаю... А вот я в тот день осталась дома, наврала всем, что приболела, потому что не хотела с ним видаться.

– Алин... Что такое? Давай поменяемся?

– Нет, я... Да, давай, – я позорно открываю дверь и выхожу из машины, столкнувшись с ним взглядами. Как же в груди всё горит. Невозможно находиться рядом. С ним всё чересчур. И он всегда так решительно и нагло смотрит. Словно всю мою жизнь бросая мне вызов.

Папа выжидает, а я мотаю головой.

– Сама дойду, загоняй.

Он пожимает плечами и загоняет машину во двор, а я плетусь за ним.

– Не волнуйся, Алин, и у тебя получится, – неожиданно говорит Егор, подстроившись под мой шаг. Как всегда, одетый с иголочки. В каком-то новомодном брендовом шмотье и с толстенной золотой цепью на шее.

– Ты ведь так не думаешь.

С недоверием смотрю на него, а он начинает ржать.

– Нет, конечно. Там, откуда ты, небось только дикие зверушки водились. Откуда тебе знать, что такое ауди Q7, Маугли?

– Ни говорить, ни слышать тебя не хочу, – набираюсь я смелости. – Ты ужасный. Злой и...

– Ух ты... Вот это сильно. Ты ужасный, злой и... – передразнивает он меня, схватившись за голову. – Хочешь – не хочешь, а это дом моего деда и бабушки. Так что... Если что-то не нравится – можешь валить отсюда на все четыре стороны, Сиротка. Хотя, погоди... Тебе некуда, верно?

– Егор! – кричит отец в пяти метрах от нас, выходя из машины. – Чё болтаешь там? Иди сюда быстрее.

Он бросает на меня ещё один пронзительный взгляд чёрных глаз.

– Увидимся, подкидыш.

Я молчу. Хоть и хочу ответить чем-то гадким. Но мне не позволяет совесть. И я просто захожу в дом, отпустив голову и направившись в свою комнату. Не знаю, как часто мы будем

здесь с ним сталкиваться. Не знаю, как избежать этого негативного, даже ядовитого влияния... Порой оно меня уничтожает. Он действует на меня губительно и удушающе. Из комнаты даже выходить не хочется. Не знаю, ушёл он или же нет. Может даже собрался здесь ночевать... Если так, то и утром меня достанет. Обязательно. Я уже предчувствую. Вдыхая, открываю дверь и прислушиваюсь. Вроде как очень тихо. На цыпочках крадусь вниз, никого не вижу и иду к холодильнику перекусить. Но только он издаёт писк, как...

– Ну, вот, всё встало на свои места... Подворовываешь потихоньку, – Егор издевательски опирается на арку в кухню и ухмыляется своей же шуточке, скрестив на груди руки.

– Отстань от меня! – наконец у меня прорезается голос. Я уже начинаю его ненавидеть... Хотя вовсе не хочу этого.

– Вау, вот это отпор. Прямо-таки неплохо для ссыкухи.

Смотрю на него и жить не хочется. Глаза в глаза. Я подхожу ближе и сжимаю в руках яблоко.

– Егор, посмотри на меня. Что я тебе сделала? Я никогда не обижала тебя. Не трогала твоих вещей... Не лезла к тебе. За что ты со мной так? Я уже просто не могу... – хмурюсь я, тараторя. – Давай мы попробуем сосуществовать... Давай наконец перестанем ругаться, прошу тебя... – задыхаюсь я, замолкая.

Несколько секунд он смотрит на меня так понимающе и глубоко, что я краснею, а потом мужские брови выстраиваются в дугу и снова этот дикий зловещий хохот, парализующий каждую мышцу на моём теле.

– Думала, я повёлся? Всё только начинается, найдёныш. Я тебе устрою сладкую жизнь. Мало не покажется.

Глава 3.

Алина Яровая (Сиротка)

Провожая Егора нахмуренным взглядом, а сама так и стою в оцепенении. Почему я так сильно боюсь его? Что даже не могу ничего ответить... Меня растили в заботе и тепле, я не привыкла ни с кем ругаться.

Телефон издаёт звук, и я вижу одно новое сообщение.

Василиса Яровая: «Алин, Егор у вас? Папа спрашивает».

Начинаю набирать ответ, но как-то странно, что они не в курсе, поэтому я решаюсь спросить у него.

– Вася спрашивает, у нас ли ты... Они не в курсе? Что им сказать?

Вальяжно развалившись в кресле, Егор нагло пьёт что-то из бара отца и поджигает пространство своим недовольством.

– Ты не обнаглел? Это же папин, он ругаться будет. И где они, кстати?

Он смотрит на меня пристальным взглядом и ухмыляется.

– Тебя не зовут на такие мероприятия. Опозорить можешь... – цедит он, поглядывая на меня. Словно бросает мне вызов.

– Неужели? А ты тогда почему здесь?

Я скрещиваю на груди руки, а он улыбается.

– Ладно. Один-один. Неплохо для дикарки.

– Какой ещё дикарки? Я совсем не дикая.

– А какая ты, Маугли? Такая и есть. Того и гляди что-нибудь выкинешь.

Он это вообще обо мне?

– Ты меня даже не знаешь. Что мне ответить Васе?

– Да мне всё равно, хочешь – сдавай.

– погоди... Что значит, сдавай? Ты ушёл из дома или что? Как это понимать?

– С каких пор мы стали друзьями, – скрипит он зубами. – Отвали от меня.

Егор нервно встаёт с кресла и идёт к окну, а я не понимаю, что с ним, но не хочу брать на себя ответственность, поэтому отвечаю Васе, что не знаю, где он. Не хочу вмешиваться. Даже если они все – моя семья.

На секунду я замираю, глядя на него. Пусть мне видно лишь затылок и спину, но чувство, будто его что-то тревожит, просто он, как всегда, выделяется.

– Я вижу твоё лицо, Сиротка. Хватит пялиться, а то я решу, что ты совсем конченная.

Услышав это, я убегаю к себе. Глаза вновь слезятся, но я давлю это чувство. До учёбы осталось полтора месяца. И я так не хочу, чтобы он поступил, но, похоже, за него уже договорились. Перевод всё же проще, чем поступление.

Странно, что мама не звонила и не писала, так же, как и отец. Интересно, куда они уехали...

Время на часах уже почти девять, и я наконец слышу внизу мамин и папин голос. Бегу туда вниз на всех скоростях. Вижу их и сразу же обнимаю маму.

– Я вас потеряла. Вы не сказали, что уезжаете...

Вид у них какой-то расстроенный.

– Алин, доча, иди на кухню, мы сейчас с тобой поговорим.

– Ладно...

О чём они хотят поговорить? Что такое случилось? Ничего не пойму...

– Дорогая, – заходит ко мне мама, и я жду их обоих, но она прикрывает за собой дверь и садится напротив. – Мы были у Гордея с Миланой...

– Хорошо, – жду я продолжения.

– Понимаешь, малышка, сейчас непростая ситуация. Гордей сердится на Егора, а Егор не желает его слушать. Вообще... Он бунтует, Алин...

– Мне уже страшно...

– Нет, – смеётся мама. – Ты что? Не бойся... Я просто хотела сказать, что мы приняли решение, что Егор у нас немного поживёт. Пока они нормально не поговорят.

О, Господи...

– Алин, я знаю, что тебе с ним сложно, но... Может, как-то получится...

– Мам, я поняла...

Кто я такая, чтобы возникать? По сути он их родной внук... Да и я вижу, что ситуация из ряда вон. Не буду же я спорить с родителями и диктовать им свои условия? В конце концов, меня не так растили. Это Егор вырос таким, будто ему всё можно.

– Пойми, мы лучше сами за ним присмотрим, чем он будет по друзьям или съедет куда-то... Дурной ведь, – шепчет мама и я улыбаюсь.

– Я справлюсь, мам... Спасибо, что поделилась.

– Тебе спасибо, что поняла нас... Я переживала, как ты воспримешь... Очень переживала.

– Я тогда к себе пойду... Вы уже с ним говорили?

– Вот сейчас, Саша пошёл разговаривать... Надеюсь, он нормально воспримет. Они ведь так поругались, что он чуть дверь в кабинет отца не сорвал с петель.

Вздыхаю. Господи, почему он не ценит того, что имеет? У него такие замечательные родители. Как так можно???

– Ты кушала? Не голодная?

– Да я... Яблоко перекусила.

– Алин... Ты такая худенькая у меня. Тебе надо больше питаться.

– Мам... Я правда не голодна, но вам могу погреть.

– Давай вместе на стол накроем. Может и Егор к нам присоединится?

– Ладно, хорошо, – вздыхаю я, и мы начинаем собирать на стол...

Естественно, он снова недоволен. Когда входит на кухню. Опять смотрит на меня, как на врага народа. Чёрные угли только разгораются в своей злости и ненависти.

– Егор, садись вон там. Мы сегодня с Алиной готовили карбонару и пекли шарлотку.

– Ммм, бабуль, ну, у тебя, как всегда, всё вкусно. Уверен, что Алинка там только портила.

– Егор, – хмурится мама.

– Ешь давай, шутник, – добавляет отец. – Не расстраивай старика, Егор.

– Да я и не расстраиваю... Извините, что не идеальный.

– Тебя никогда за это не ругали, не прибежняйся, – отвечает отец. – Твой папа тебя любит. Мы любим. Неужели не видишь?

– Не-а, – выкидывает он, отчего я вся киплю. Злость всё сильнее окутывает тело. – За моей спиной шушукаетесь. Ездите, решаете за меня. Чё-то мутите. А я даже не просил об этом. Где свобода выбора? Где мои личные решения в этом?

– Ты уже наделал личных решений. И тебя попёрли отовсюду.

– Ну и вы тогда выгоните, чё? Нахрен я вам сдался такой проблемный?

– Да как ты смеешь! – выкрикиваю я, встав и глядя на него сверху вниз осуждающим взглядом. Голос дрожит. Колени подкашиваются. Но на этот раз я молчать не собираюсь. – Что ты знаешь о выборе??? Ты ничего не ценишь! Ничего и никого! Прекрати так разговаривать! С моими родителями! Не смей так гадко себя вести!

Мне кажется, пол горит под моими ногами. Назревают слёзы. Я смотрю на маму, у которой тоже глаза на ровном месте и на нахмуренного отца. А внутри... В душе... Всё полыхает.

– Извините меня, пожалуйста, – бросаю я напоследок и убегаю.

Никогда так ужасно себя не вела. Не портила ужин. Не кричала на Егора. А теперь чувствую, как ужасно он на меня влияет и буквально саму себя ненавижу...

И его тоже ненавижу.

За эту вседозволенность, избалованность, хамство.

Вечно озлобленный, вечно грубый, словно не замечает, как причиняет другим боль!

Я не хочу быть такой, а теперь ощущаю, что во мне тоже что-то такое просыпается...

Глава 4.

Алина Яровая (Сиротка)

Меня мучает чувство вины. Не знаю даже, перед Егором или перед родителями. Мне кажется, что перед ними всеми. Просто это не я. Это какая-то плохая версия меня. Мне никогда не хотелось быть такой. Наоборот, я старалась соответствовать примерам благородных девиц из книжек по литературе. А теперь...

Ощущаю себя лицемеркой. словно я на фоне Егора захотела выглядеть лучше, чем я есть. Будто хотела превознести себя в лице других. Но на самом деле это не так.

Когда я выхожу из комнаты, мама как раз уже хочет зайти ко мне.

– Алин...

– Мам, извини... – обнимаю я её.

– За что, малыш? Не надо. Когда ты ушла, Егор извинился перед нами.

– Что?

Мне это сейчас слышалось?

– Да, он сказал, что был не прав. Что больше он так себя вести не будет, что просто зол на ситуацию...

Значит, у него всё же есть хоть какая-то совесть... Офигеть...

Я думала, там ей и не пахнет.

– А ты тут как?

– Нормально... Но я сильно заволновалась из-за сказанного... Наверное, не стоило так грубо при всех...

– Зато смотри какой эффект, – смеётся мама. – Но больше не практикуйте такие ссоры. Вы ещё поймёте друг друга, но позже... Когда вырастете.

– Ага... Надеюсь на это, – тяжело вздыхаю я. Хоть и не верю, что дело можно исправить возрастом.

– Пойдём. Покушаешь... Проголодалась, наверное?

– Немного, – улыбаюсь я, хотя внутри мне до сих пор не спокойно. Колотит, когда думаю о нём. Не знаю, как нам сосуществовать в этом доме. Придётся учиться. Это, наверное, особое мастерство... Жить с ним под одной крышей и не поубивать друг друга. Помню, раньше я и три дня кое-как вывозила... А он занимался всякой хренью. То заливал клей мне в тапки, то подсовывал дохлых мышей под дверь. Как маленькая пакость портил мне жизнь. Надеюсь, что он вырос из этого... Надеюсь, всё осознал.

Мы ужинаем с мамой вдвоём, смеемся. Я мою посуду и иду спать.

А утром...

Утром я открываю глаза, вздрагиваю и собираюсь орать, пока широкая ладонь Егора не ложится на мой рот. Он находится в такой близости от меня, что меня всю бьёт током. Грудь вздымается от страха. Я чувствую тепло его кожи и лютый ужас от того, что он делает.

– Сейчас... Заткнись, Сиротка, – чёрные глаза окутывают своей темнотой. Мне кажется, я теряю сознание. Мычу ему в ладонь, и он склоняется ближе. Моё собственное сердце оглушает. – Боишься меня? Это хорошо. Я отпущу. Только обещай не орать... Обещаешь?

Я киваю, а у самой сейчас будет разрыв аорты. Как только его рука сползает с моего рта я тут же жмусь к стене, обхватив колени.

– Что ты здесь делаешь?! И что это вообще было?! Что тебе нужно?!

– Я пришёл тебя эффектно разбудить. Ты же хотела хорошего племянника. Вот он я.

– Ты что... Больной? – я дышу как загнанный в клетку зверь, а он смотрит на мои колени.

Схватив край одеяла швыряет его на меня, накрывая. И до меня только сейчас доходит, что я была перед ним в майке и трусах, блин! Просто офигенно...

– Нет, я здоров. У меня справка есть. Показать?

– Егор, не смешно. Я боюсь тебя.

И снова эта улыбка на его лице. Он резко встаёт с кровати и ходит по моей комнате. Направившись к полке, снимает оттуда книгу и открывает. Изучая, ставит обратно. Снова берёт. Он издевается?

– Егор, выйди из моей комнаты, – прошу я его, глядя исподлобья.

– Это что? Что ты ей чешешь? – он достает руку-чесалку и ржёт, как придурок. А я психованно встаю с кровати, придерживая одеяло на бёдрах, и выдираю ту из его рук.

– Какая ты нервная, тётушка. Успокойся.

– Егор, мне нужно в ванную.

– Так иди, не задерживаю.

Он то и дело берёт мои вещи. То игрушки, то книги, то просто какие-то безделушки, а потом и дневник, что лежит на самом верху.

– Положи! – истерю я, но, видимо, это и даёт ему понять, что там нечто интересное и сокровенное для меня. Он открывает, а я прыгаю, пытаюсь отобрать. Но он же выше меня и не позволяет, читая вслух:

– Сегодня этот гадёныш снова вылил на меня суп. Я два урока проплакала в туалете. Маме говорить не стала, но...

– Отдай, сволочь! – одеяло мешает, и я наплевательски отбрасываю его, прыгая возле Егора в трусах и майке, блин. – Отдай!

– Нифига, да тут целая летопись обо мне! 28 июня. Мама говорит верить в Бога, но я не верю, потому что существует Егор, – он гогочет во всю глотку, а я, не выдержав, со всего размаху бью его по лицу.

Его щека краснеет. Моя рука болит.

Он замирает, опуская на меня взгляд. Мужские желваки дёргаются от напряжения. Его окутывает злость, а меня – паника.

Мои ноздри раздуваются, а в следующую секунду Егор припечатывает меня к стене. Лоб в лоб. Давит на меня, будто бодает. И тяжело дышит. Я вся покрываюсь мурашками и трясусь перед ним.

Боже, да меня ещё никогда так не трясло.

Кажется, сейчас отстегнусь.

Он сердится. Опуская руку, отшвыривает мой дневник в сторону. Я ощущаю, как из моих глаз льются слёзы.

Его левая рука аккуратно снимает их с уголка моего глаза и ниже. Уже образовавшуюся солёную дорожку на щеке.

Дрожу. Кожу жжёт, но это не соль, а его прикосновение. Я даже думаю, что его ядовитое дыхание на меня как-то влияет. Колени подкашиваются. Но эти чёрные котлованы буравят меня своей жестокостью. Я сжимаюсь от того, как глубоко он проникает ими. Под кожу или даже глубже.

– Уходи, – дрожащим голосом прошу я, закрывая перед ним глаза в своей уязвимости, а потом чувствую, что давление везде исчезает.

Он отступает и выходит, закрыв за собой дверь, а я просто скольжу вниз по стеночке и не могу успокоиться...

Глава 5.

Алина Яровая (Сиротка)

После того, что произошло, я боюсь даже выходить из комнаты. Зачем он был так близко? Зачем так себя ведёт? Почему думает, что ему всё дозволено? Мне теперь неловко. И даже на завтрак меня зовёт мама. Потому что я не хочу выходить из комнаты.

– Да, да, я сейчас, – тихо произношу, настраивая себя. Не знаю, как смотреть на него. Как находиться на одной кухне.

Мы спускаемся, и я вижу папу.

– Доброе утро.

– Доброе, дочь, – отец бросает взгляд на маму. – Егор уехал к друзьям по делам. Попросили.

Выдыхаю. Господи... Целый день без мучителя... Слава Богу. На целый день я смогу чувствовать себя спокойно... У меня в мгновение сердце в груди успокаивается. Ритм замедляется, и я перестаю слышать всё гулом.

– У тебя какие планы сегодня?

– Хотела розы посмотреть в саду... Вчера они так красиво начали распускаться. Надеюсь, что все зацвели. Надо бы там веточки подрезать...

– Золушка ты наша. Папа хотел тебя снова покататься позвать.

– Я за... Давай после двенадцати? Я пока в теплице всё сделаю. Хорошо?

Папа кивает, а мама улыбается. У нас всегда идиллия, когда мы втроём. Обожаю родителей. И помогать им обожаю. Я не знаю людей добрее и отзывчивее.

Мы завтракаем, я быстро мою посуду и галопом скачу в сад. Сегодня ещё такая прекрасная погода. Лучи яркого солнца прорываются сквозь щели в поликарбонате. Пою, пока подрезаю кустовые розы. Обожаю цветы и землю... Да и вообще работать руками люблю.

– Я думал, ветер завывает, – ехидно звучит сзади, и я подпрыгиваю на месте, вздрогнув, а Егор ржёт надо мной. – Трусливая ты, конечно.

– Что тебе нужно? Я занята, уходи.

– Да ничего. Просто пришёл на твоё пение, сирена. Вы же так мужиков заманиваете.

– Что ты несёшь, блин? Какая сирена и каких мужиков?

– Это древнегреческая мифология, дурёха, – отрезает он, посмеиваясь надо мной, а я стараюсь не обращать внимания, а лишь расстраиваюсь, что розочек так мало. Ищу их в терниях кустов, но бесполезно.

– Ты их пересушиваешь.

– Чего?

– Ничего, смотри.

Он подходит так близко, что я сейчас рухну с корточек. Сердце вновь ускоряет ритм до запредельного. Отстукивает где-то в глотке, вынуждая ту болеть.

А потом Егор аккуратно сжимает мою руку, отодвигая указательный палец и ведёт к грунту, надавив на него им.

– Чувствуешь? Сухо на пару сантиметров, а должно быть... Влажно, – произносит его гадкий рот, и я смотрю на него как дура. На эти его губы, говорящие такие двусмысленные слова.

«Влажно». Что он, блин, несёт, у меня все мысли не о цветах!

– Поливай дважды в день летом, Сиротка. И будет у тебя вся теплица в розах.

Я всё ещё смотрю на него. У меня горят щёки. Даже когда он отпускает мою руку. Господи, что за странное влияние, от которого у меня всё тело дрожит. Хочу, чтобы ушёл, но боюсь, если ляпну ему это, то он назло останется.

– Что ты так смотришь, не учили тебя за цветами ухаживать?

– Я первый год розы посадила... Другие не такие водохлёбы... Я знаю землю, просто все требуют разного ухода, – опускаю я взгляд и иду к бочке с водой и лейке. Воды на самом дне, и я пытаюсь дотянуться, но у меня сил, наверное, не хватит вытящить оттуда полную.

– Давай помогу, квашня, – Егор подходит и отодвигает меня. Делая всё самостоятельно, вытаскивает её и поливает мои розы.

– Разве ты не к друзьям поехал?

– Поехал, но дед попросил вернуться. Его вызвали по вопросам фирмы, а он хочет, чтобы я тебя водить поучил.

– Что?! – выпаливаю я в ужасе.

– Чё, ссыкуха, испугалась? Да не бзди ты, цветочек, я научу тебя гонять на такой. Я ж видел, как вы ездите. 90 от силы. При том, что в ней 260 лошадей.

– Егор, это исключено. Спасибо, конечно, за совет и помощь, но я с тобой никуда не поеду. Раз папа не может, значит, сегодня без вождения.

– Ой, мляяя. Тугая ты какая.

– Прекрати так странно разговаривать!

– А ты прекрати визжать. Тебе восемнадцать вроде, а ведёшь себя, как пискля.

– Сам ты...!

– Самая настоящая пискля, – подначивает он. – Охуенно дерёшься, кстати. Мне понравилось.

– Это... Ты... Ты не оставил мне выбора.

– Выбор есть всегда. Либо да, либо нет... Либо минет.

– Аааа!!!! – я рычу и выхожу оттуда, а он прётся за мной и ржёт.

– Давай, мой руки и поехали катать.

– Нет.

– Тогда я приду к тебе в комнату.

Я тут же стопорюсь и смотрю на него.

– Не придёшь. Я не впускаю тебя. Егор, лучше вообще не подходи ко мне.

Он делает выпад вперёд, а я отскакиваю назад. Чёрные глаза жрут и прибивают к земле.

– С какой стати у тебя есть выбор впускать или нет? Я зайду сам. Либо ты сядешь в сраную тачку через полчаса, либо встретимся у тебя, подкидывш. Выбирай, – цедит он через плотно сжатую челюсть. Я хмурюсь. Грудная клетка вздымается от напряжения, а от внезапно всплывших в памяти воспоминаниях о его странном касании, краснеют щеки и всё дрожит. Только подумаешь, что есть в нём что-то нормальное, как он стирает всё одним махом.

– Ладно.

– Что, ладно?

– Ладно, я вернусь через полчаса.

– Вот и гуд, сдашь мне экзамен по вождению.

Он уходит, а я провожаю его напуганным растерянным взглядом. Не понимаю, что ему от меня нужно... И поведение его тоже не понимаю. Вечно злой, напряженный, будто его все и вся раздражают, а отрывается он на мне!

Не знаю, как я смогу с ним ехать, я вообще не представляю, как это делать, потому что меня рядом с ним колотит, но это лучше, чем перспектива остаться с ним в одной комнате и вновь подвергнуться издевательствам с прочтением моего личного, как достояния нашей семьи. Надеюсь, мы никуда не врежемся, и я смогу вести машину...

А ещё надеюсь, что он больше никогда ко мне не прикоснётся...

Глава 6.

Егор Яровой (Егорыч, Змей)

Алинка...

О ней отдельная тема. Не знаю уж, как так вышло. Тут и стыд, и противостояние, и постоянная борьба с самим собой. Я и в Германию-то свалил только для этого. Ни видеть, ни слышать. Всё как-то спонтанно случилось. Не так, чтобы с самого первого взгляда на неё. Просто она меня всегда бесила своей чистотой. Опрятностью, поведением, терпением. Я так не мог. Она могла. Девочка из детдома, которую притащили, когда мне было около семи лет. Она и не похожа была на детдомовскую. Мне они всегда виделись нечистоплотными грязнулями, но среди нас двоих таким был я. Да и не только это раздражало. Образ благородной леди. Прямая осанка, идеальное телосложение. Она всегда держит подбородок так, будто у неё на шею надеты эти африканские украшения, а в спину будто вкручен титановый стержень. Хз как у неё так получается. Лично я вечно сутулюсь. За что не возьмется – всё у неё получается. Куда, блядь, не посмотрит там вырастает роза. Вот как такая не будет действовать на нервы?

Сначала думал – зависть. Удобно было сваливать на это. А что? Я тоже хотел таким быть, и чтобы меня при этом все любили и жалели... Позже догнал, что мне любопытно, что в ней есть такого, чего нет во мне. Ну а после... Осознал, что нихера это не любопытство. Иначе бы я в семнадцать не словил бы белочку и не захотел бы поцеловать грёбанную приёмную тётку, которая при этом младше меня почти на два года. Хорошо, что я себя буквально выпинал от неё и ничего не произошло, а сейчас. Сейчас я, сука, еду крышей. Потому что она ещё сильнее изменилась. Нет, стержень как был, так и остался. Добавилась ебучая женственность и нежность. Округлости, которые в природе принято считать сексуальностью. То, от чего у мужиков дымится член и плывёт мозг. И как управлять этим я не знаю, потому что отказываюсь принимать такой расклад. Когда я ебал в Германии деканшу меня вполне всё устраивало. Закрыв страницу от глаз Алинки. Вычеркнул её отовсюду. Даже удалился из семейного чата, чтобы не думать. А теперь? Куда от неё бежать?

Она садится в машину и даже не смотрит на меня. Походка от бедра. Тёмные густые волосы заплетены в тугую косу позади. Смуглая кожа в сочетании с ними как у чёртовой модели из глянцевого журнала, но это не автозагар, это естественный песочный оттенок. Она даже этим сраным тональным не пользуется. У неё чистое лицо без единого прыща или неровности. Везде всё закрыто. Джинсы, кардиган. И это летом. Уверен, не было бы так жарко, она бы паранджу надела, лишь бы я не смотрел. Просто она меня боится. А меня от этого ещё сильнее штырит. Лучше бы она вела себя обычно. Лучше бы была милой и сюсюкала, меня бы тогда, может, от неё током шарахнуло... Но нет... Она будто назло ведёт себя как монахиня, которая лицезрела пред собой Люцифера. Ещё бы крест взяла в руки и молиться начала, святоша.

Сажусь рядом, рассматривая её несчастный вид.

– Ну вперёд, Вин Дизель, показывай.

– Сейчас, – Алинка выдыхает и пристёгивается, а я ржу. Потому что она даже не удосужилась позвонить деду и спросить. Он меня ни о чём таком не просил, естественно. Узнает – будет визг до потолка. А пока я наслаждаюсь этими издевательствами.

– Показать, где педаль газа?

– Не надо, – бурчит она. А я ведь могу. Наклониться к её ногам, тогда у неё точно инфаркт случится.

Алинка трогается с места и тяжело дышит, а я сижу и просто смотрю в окно.

– Направо здесь сверни.

– Здесь нельзя.

– Ууух... Ну, похвально, слушай. А тут?

– Тут можно, но зачем? Там дальше кирпич.

– И дороги все выучила, ну, профи, реально.

– Слушай, Егор. Что тебе от меня нужно? Я в состоянии сама водить и ездить. Уж до универа точно.

– Мне от тебя? Нихрена не нужно. Разве ты что-то можешь предложить? – интересуюсь я чуть ближе пододвинувшись к её плечу, а она в истерике щемится к окну. Ржу. Господи. Вот ссыкуха, а...

– У тебя подружки-то есть, Сиротка?

– Какая тебе разница?

– Трахнуть хочу.

– Фу. Трахай своих подружек, окей?

– Ну... Видишь ли... Дело в том, что я уже их всех перетрахал, – улыбаюсь я, рассматривая её водительские права, которые взял сверху с панели. – По второму кругу неинтересно.

Неожиданно она выдергивает их и заворачивает машину в карман, останавливаясь.

– Мне это неинтересно. Подробности своей личной жизни держи при себе. Так же как и весь свой, я уверена, богатый сексуальный опыт. Он меня совсем не тревожит. Ты – мой племянник. Держи, пожалуйста, рамки этого семейного взаимодействия.

Вот ведь сука, а. От чувства жжения в грудной клетке я начинаю нервно смеяться. Она, нахуй, меня не просто бесит. Она мне сейчас колом яйца к сиденью прибила.

– Племянник... – улыбаюсь я, глядя в её зелёно-ореховые глаза. – Племянник...

Она хмурится и бежит взглядом от моего подбородка до лба, а потом отворачивается и снова начинает движение, выворачивая из кармана. – Может племянник показать, как ездят на этой малышке или тётушка тут же пожалуется папочке?

– Этот папочка – твой дед.

– И? Так что? Уступишь место племяннику?

– Ты точно змей, как тебя и называют твои дружки. Такой же ядовитый, скользкий и гадкий. Садись.

У меня аж челюсть сжимается. Ещё и лезет не в своё дело.

Меняемся местами, и я прищутив глаза, смотрю на неё искоса.

– Откуда знаешь, кто и как меня называет? Шарилась по моей странице?

– Делать мне нечего. Кроме того, ты всё от меня давно скрыл. Просто как-то слышала, я же не глухая.

Зато слепая, судя по всему.

И неистово, сука, раздражающая.

Завожу тачку и выдыхаю. Я ей щас такую поездку, нахрен, устрою.

Выплюнет собственное сердце...

Глава 7.

Алина Яровая (Сиротка)

Егор давит на газ, а меня практически сразу парализует. Я вжимаюсь в сиденье, и мне кажется, сейчас продырявлю его своими ногтями.

– Егор... Егор...

С каждой минутой мы едем быстрее, хотя мне кажется, что уже некуда.

– Егор, прекрати, – повторяю я более уверенно, хотя голос ломает.

– Что ты творишь?! Сбавь скорость!!! – кричу я на всю машину, а он только набирает обороты, пятляя между других машин. – Пожалуйста... Пожалуйста, Егор!!!

– Да успокойся ты, ссыкуха. Ща мы на трассу выйдем.

– Егор, не надо!!! Останови, я выйду!!!

Чувствую, что он чуть сбрасывает скорость, но мне всё равно дико страшно. Сердце не может успокоиться. Чувствую, как меня всю заполняет липкое ощущение ужаса, что мы сейчас разобьёмся. А я люблю жизнь. Люблю родителей. Учебу, всё, что у меня есть. Я не хочу умирать.

– Егор... – прошу я дрожащим голосом, а потом он меняется в лице. Останавливая машину на обочине смотрит на меня и обхватывает плечо.

– Ты чё, Сиротка? Побледнела вся.

– Не трогай меня! – я открываю дверь и выхожу из машины, почти вываливаюсь. От стресса меня тошнит. Надеюсь, не вырвет прямо при нём. Какой же кошмар.

– Ладно-ладно... Успокойся, на, – он выходит следом и протягивает мне воду, что лежала в салоне, а я не то что пить, я вдохнуть не могу. Придурок, блин.

– Я больше никогда с тобой никуда не поеду!!! – кричу я и чувствую, что ноги ослабевают. Я съезжаю вниз на корточки. – Какой же ты... Какой...

– Какой, м? Какой я, Алина? Хуёвый? Злой? Или как ты там ещё меня называешь? – спрашивает он со злостью. Будто я виновата, что он именно такой.

– Всё это и сразу! Я тебя ненавижу! Презираю!

Не знаю, что на меня находит, но я резко встаю с асфальта и иду на него, толкая в грудь.

– Ты всю жизнь меня донимал! Всю жизнь надо мной издевался! За то, что я просто пыталась быть! Просто пыталась подружиться! – Слова мои как яд, инфицируют меня саму, но я не унимаюсь. Не могу успокоиться. Всё толкаю его и толкаю на самую дорогу. – Ты сам жалкий трус, понятно?! Ты просто избалованный гадкий трус, который отрывается на тех, кто слабее его! Кто уязвимее! Я ненавижу тебя, ненавижу сильнее всего на этом свете! И правильно, что тебя попёрли оттуда! Потому что ты ни черта не ценишь! Будет не удивительно, если ты и здесь трахнешь какую-нибудь деканшу и тебя выставят!

Слышу громкий оглушительный гудок со стороны и просто поворачиваю туда голову. Не успеваю среагировать, как Егор толкает меня всем своим весом с дороги, и мы с ним заваливаемся на асфальт. Обе его руки под моим затылком, очевидно, чтобы я не ударилась. Я лежу под ним и дышу как ненормальная, понимая, что он только что спас нам жизнь, а я по своей тупости чуть нас не угробила.

Смотрю в его чёрные глаза, чувствую и слышу стук наших сердец, объединяющийся во что-то бешенное, сумасшедшее, дикое. Я и пикнуть не успеваю, как Егор подаётся вперёд. И... О, Господи... Он меня целует. Он целует мои губы, нагло пролезая в рот своим языком. Я сейчас умру!!!

Чувства на грани разрывают меня всю на части. Моя тахикардия сейчас стучит в висках.

Не могу оттолкнуть. Сдвинуться. Слово мне в кровь попал настоящий паралитик. Первый мой поцелуй... С тем, кого я ненавижу! Со своим, блин, племянником. Что он творит?!

Я еле нахожу силы запротестовать, начинаю толкать его, но бесполезно и тогда я просто нагло пинаю его между ног. Мужское тело тут же реагирует, и он слезает с меня, схватившись за причинное место, а я тупо бросаюсь бежать в чёртово поле внизу дороги. Не могу думать о том, что произошло. Просто бегу, не зная куда. Сломая голову удираю, слыша сзади своё имя. К чёрту.

Добежав до какого-то дерева, опираюсь на него и не могу успокоиться. Не просто плохо... Мне так отвратительно, как не было никогда. Зачем???

Зачем это всё? Он хочет... Он добивается, чтобы от меня все отвернулись? Этого хочет? Чтобы они узнали об этом грязной связи и подумали обо мне, чёрт его знает, что?! Фу фу фу!!! Я и думать об этом не желаю! Какая же гадость!!!

Смотрю вдаль и понимаю, что тащиться обратно охренеть как далеко, но к нему я ни за что не вернусь. Лучше буду идти пешком через поле до самой ночи, но не с ним. Ни за что! Никогда!

Я так и делаю. Прусь через грязь и даже небольшое болотце, а затем выхожу на дорогу только через два часа. Уставшая и вымотанная. На улице уже стало темнее, я иду по дороге и дрогну.

А сзади неожиданно появляется моё ауди.

– Садись, – звучит грубое, но я не реагирую и иду дальше, а он медленно едет рядом. Почти ползёт. – Этого не должно было случиться. Адреналин в кровь попал.

– И что... Ты всегда так, когда адреналин попадает?

– Всегда. Мне даже и не понравилось. Забыли.

– Знаешь, что?! Думаешь, мне понравилось?! Ты украл мой первый поцелуй! Тот, который я хотела отдать человеку, с которым бы у меня была любовь. Чувства! А ты просто подло и беспринципно его украл!

Я почти плачу, а он начинает ржать. Просто смеётся надо мной как последняя сволочь!

– Любовь... Чувства. Господи. Да ты ущербная. Какая, нахер, любовь?!

– Пошёл ты! Да! Именно! Пошёл ты, Егор! Я сама дойду, а ты вали! И больше никогда ко мне не подходи!

Он злится. Его желваки напрягаются. Господи, как же я его ненавижу. Пусть на него метеорит упадёт, пожалуйста!

– Окей. Как скажешь, – цедит он и тут же исчезает, дёрнувшись с места со скоростью света на моей машине, пока я иду по трассе со стёртыми до мозолей ногами и плачу...

Глава 8.

Егор Яровой (Егорыч, Змей)

Я ещё никогда так дерьмово себя не чувствовал. Сорвало тормоза. Не смог себя заставить прекратить это безумие.

Как представил, что нас бы сбила машина, и я бы никогда не успел... Так и повело. Просто затолкать в неё свой язык... Казалось бы... Фигня же... Вот оно и отличие ото всех остальных.

Не фигня. Вовсе не фигня. Меня с этого вынесло.

Я снова не понимаю, что тут вообще делаю. Я от неё не могу оторваться. И ещё сильнее хочу всадить иглу ей прямо в сердце. Ненавижу её недоступность. Её эту показушную правильность. Практически святость!

Как же меня бомбит... И когда я уезжаю, бросив её на трассе после этих её слов... Просто немыслимо триггерит.

Останавливаюсь за километр и колочу по рулю со психом.

Осматриваю салон. Снова пялюсь на её фотку на водительских правах.

– Алина Яровая, блядь! Святая непорочность! Как же я, сука, тебя ненавижу!!!

Слышу трель звонка и достаю телефон, оборачиваясь.

– Да?

– Егор... Егор, вернись за мной, пожалуйста.

– Ты же не хотела со мной ехать. И чтобы я вообще подходил. Что изменилось?!

Слышу, как дрожит её голос, а потом и какой-то отвратный мерзкий мужской смех на фоне него.

– Две минуты.

Сбрасываю и разворачиваю машину, ударив по газам. Блядь, не надо было её там оставлять. Даже если несла хуйню. Если обидела своими словами. Ты же мужик, блядь, Егор. Нахер ты её бросил? Если не успею и что-то с ней будет... Если случится, я точно никогда себе не прощу.

Километр я преодолеваю мгновенно. И вижу, как какие мудаки на старой колыхаге едут за ней, пока она вся в слезах прётся по дороге, прихрамывая. Несусь на них. На всей скорости. И резко останавливаюсь прямо перед ними. Просто лоб в лоб.

Выхожу, быстро беру её на руки и несусь к машине. Она, блин, как пушинка.

– Сделали что-то тебе?

– Нет, – отвечает она, придерживая меня за шею. Меня даже от касания её рук пробирает. Я усаживаю её на пассажирское и закрываю дверь.

С самого детства отец говорил мне, что нет ничего важнее уметь защищать себя и тех, кого ты любишь. Я всю свою жизнь защищал Ваську и Даню. На что только не ходил, чтобы уметь драться, уметь стрелять, уметь всё и сразу. Но при этом я ни разу не дрался из-за Алинки. Она не проблемная, это я такой. Она бы здесь даже не оказалась, если бы не я. Поэтому сейчас я злюсь в первую очередь на себя. Но просто я такой. Да, я неправильный. И я не умею признаваться в чувствах. Я в принципе никому никогда в них не признавался. Я уважаю родителей, но не люблю, когда за меня принимают хоть какие-то решения. Я – эгоист, циник, грубиян. Да, это я. И ничего уже не исправить. Поэтому я подхожу к той тачке, открываю дверь, слыша фоном отвратный гогот, и резко вытаскиваю оттуда водилу, начав яростно его бить. Мордой в землю и ногами в придачу. Он у меня, сука, вряд ли сможет ходить ближайшие сутки точно.

А следом из машины вылетает и второй его друг. А вот третий так и гасится внутри.

– Э, ты чё... Костя, помоги, блин! – зовёт он товарища.

– Не, я не выйду к нему. Валим, а.

Я просто хожу за ним вокруг машины, а этот самый смелый придурок удирает от меня в истерике, то в одну сторону, то в другую.

– Сука, я же тебя всё равно выплеплю. Чё вы с ней сделать хотели???

– Мы ж не знали, что твоя баба. Отъебись от нас!

– Я тебе, блядь, щас язык в жопу засуну. Какая она тебе баба, ссыкло?! Сюда иди!

– Егор! – кричит Алинка из машины. – Егор, пожалуйста, не надо. Давай уедем.

– Молчи.

– Егор, братан, послушай её, а. Мне нахер проблемы не нужны. Я не знал, что у неё парень есть. На ней не написано.

– Чтoб, сука, впредь всех девок стороной обходил. Увижу, что лезешь к кому-то против воли, пиздец тебе. Понял?!

– Понял.

Я ухожу обратно, а по пути ещё несколько раз пинаю в крыло их мятую ущербную колымагу. Ебать, я бешусь. Не могу успокоиться. Сажусь за руль, сжимая его, пока Алинка сидит и молчит. А я газую, разворачивая машину.

Так и едем молча. У меня сердце гоняет по грудной клетке в истерике. Костяшки сбиты в кровь. Я от себя такого не ожидал. Злюсь на неё пиздец как, но на себя сильнее. И за ситуацию, и за поцелуй.

Нахрен, какую дичь я сотворил, что мне теперь заговорить стыдно...

До самого дома она не произносит ни слова. Вообще ни одного, да и я тоже. Когда доезжаем, выходит и просто идёт в дом, а я разворачиваюсь и еду на мойку, потому что из-за меня её тачка внутри похожа на свинарник. Она же по какому-то болоту шла.

Там оставляю ауди на химчистку и смотрю на свой кулак. А думаю не об этом. Только о том, как целовал. Что же это за больные, нездоровые фантазии? Она же член моей семьи. Почему... Почему я это испытываю??? И как выбросить из башки это мракобесие?

Машину загоняю в гараж около десяти вечера, а сам иду к себе. Я морально выебан похуже, чем когда разосрался с отцом. Я не люблю с ними скандалить, но порой они уж очень сильно пекутся за меня и принимают решения, которые лично я не хочу поддерживать. Например возвращение в Россию... И поступление в универ Алинки.

Как я вытерплю это дерьмо, если я рядом с ней и суток продержаться не в состоянии, чтобы не вытворить какой-нибудь дичи?

Дайте мне уже таблетку какую-нибудь, чтобы я успокоился...

Потому что я не знаю никого, кто бы влиял на меня сильнее.

И никого, на кого я бы так же был вообще не в состоянии повлиять...

Глава 9.

Алина Яровая (Сиротка)

Он меня так защищал. Признаться, я до сих пор боюсь об этом думать.

Он реально за меня беспокоится? Или испугался, что ему прилетит от папы?

Потому что он мне соврал... Когда я пришла домой, отец спросил, где я была, ведь мы договаривались о вождении. Но я не стала сдавать Егора. Просто сказала, что ездила сама, а потом Егор попросил у меня ключи. Я дала. Всё. Легенда гласит так. А сейчас я лежу в своей комнате и не понимаю. Зачем он это всё. Зачем хотел провести со мной время...

Зачем поцеловал? Защищал? Он же... Я ведь не могу ему нравиться?

Если предположить это, то как-то это ненормально что ли. Мы родные друг другу люди. И если защиту можно свалить на родство... То поцелуй, точно нельзя. Он ведь реально затолкал мне язык в рот... Я даже губ своих никому не позволяла касаться... А это был его язык. Какой-то кошмар. У меня всё это в голове не укладывается. Я даже не поняла, что почувствовала при этом. Я боюсь об этом думать и вспоминать.

Но это была не тошнота... Что-то другое...

Сразу как пришла я приняла душ и поставила кеды в стирку. Но Егора не видела. Он как испарился. Возможно, даже на моей машине.

Надеюсь, что он больше не влипнет в неприятности.

За ужином мама спрашивает, как прошёл мой день, а мне и ответить толком нечего. Обычно я никогда не лгу, а тут чувствую, что мои щёки краснеют и сильно нервничаю, что они увидят это.

– Всё было нормально. Теплица, вождение, потом читала...

Внезапно входная дверь издаёт звук, и мама сразу же зовёт его за стол.

– Егор, садись ужинать. Мы все тут.

– Я не голоден, спасибо. Пойду к себе, – отвечает он холодным тоном, и я выдыхаю в облегчении, потому что не знаю, как смогла бы смотреть ему в глаза.

– Опять противится, – хмурится папа, а мама берёт его за руку.

– Не волнуйся, он изменится... Дай ему время.

– Я не хочу, чтобы он думал, будто мы его тут насильно держим...

– Саш... – она мотает головой. – Он так не думает. Он тебя уважает.

Господи, мне за них так больно. Ещё я тут со своими переживаниями. Накрутила себя. Может у него реально адреналин в кровь попал и пофиг ему, что было? Он, наверное, каждый день по сто раз целуется... Фу... Какая гадость.

– Мам, я поела. Можно я пойду к себе? Позовёшь, когда посуду надо будет помыть.

– Иди, дочка. Я сама помою.

Мама отпускает, а я убегаю к себе. Проверяю на всякий случай все ли мои дневники на месте, а то мало ли...

Ложусь в кровать и достаю телефон.

«Валя Каримова хочет добавить Вас в друзья».

– Ооо, привет! – тут же пишу я с радостной улыбкой.

– Привет, красотка! Нашла тебя в сети. Фамилия у тебя классная! Яровая!

– Спасибо. Как твои дела?

Пока улыбаюсь и переписываюсь в темноте комнаты слышу приглушённый стук, но не сразу понимаю, что стучат в мою дверь. Понимаю только тогда, когда на пороге уже вижу Егора.

– Чего тебе? – спрашиваю я напряженно.

– Я поговорить хотел, – заявляет он холодным как сталь тоном.

Я чуть приподнимаюсь на кровати и прикрываю себя, чтобы ничего лишнего не было видно.

– Заходи.

Егор проходит вглубь моей комнаты, берёт стул возле компьютерного стола и ставит возле кровати, усаживаясь на него.

– То, что произошло не должно было произойти. Мы можем как-то... Вычеркнуть это из твоей памяти? – спрашивает и даже не смотрит на меня. Просто куда-то в пол. Лицо такое грузное и напряженное.

– Ладно, я вычеркну, – отвечаю я растерянно.

– Ещё... Я твою машину почистил. Загнал в гараж. В общем, насчёт тех парней. Я не должен был бросать тебя одну там. Прости.

Господи, надеюсь, он не слышит, как стучит моё сердце. Надеюсь, это слышу только я!

– Я... Да, ладно, – мой голос дрожит. Я натянутая тетива на луке. Сейчас выстрелю... Не могу себя контролировать. – Не ожидала... – выдыхаю болезненно.

– Что не ожидала?

– Что у тебя... Есть... Сердце...

Произношу по словам, а Егор меняется в лице.

– А у тебя? Оно есть у тебя, Алина?

Впадаю в ступор. Думаю над тем, что спросил и как он это сделал... Испытываю... Нечто сродни вины. За что? Не понимаю.

– Я полагаю... Что да, – отвечаю нахмурено. Не понимаю, суть его вопроса. Но он в каждое слово вкладывают какую-то злость и обиду.

– М-м-м. Рад за тебя, – Егор встаёт с моей кровати и уходит, а я так и остаюсь сидеть и смотреть ему вслед. Ощущая запах его вкусной туалетной воды, которая оставляет за собой шлейф в моей комнате.

Что он имел в виду? Зачем так спросил? Он думает, я бессердечная? Словно я его как-то обидела... Быть может, реально обидела...

Я очень долго думаю об этом, не могу уснуть, а утром встаю пораньше и узнаю от мамы, что ночью Егор забрал свои вещи и съехал обратно к своим родителям, извинившись перед отцом. Только отчего-то мне совсем не легче от этого...

Глава 10.

Егор Яровой (Егорыч, Змей)

Возможно, это трусость. Но я так больше не могу. Лучше на расстоянии. Лучше не видеть и не слышать. Проще помириться с отцом и отпустить ситуацию, чем тонуть в ней снова и снова. Это мне не подходит. Я не справляюсь, очевидно, проигрываю и полностью бессилён перед ней. А она считает меня какой-то мерзостью. Значит, пусть так всё и остаётся. Сделаем вид, что ничего и никогда не было.

В августе я со своими старыми кентами еду отдохнуть в загородный дом. Мы набираем бухла, тёлочек и, наконец, я хочу нормально расслабиться. Сходить в баньку, потусить в бассейне, трахнуть какую-нибудь девчонку. Мне это сейчас жизненно необходимо. Потому что я залез в панцирь и не вылезая. Не получается. С Алиной я с тех пор так и не общался. Не приезжал к деду уже месяц, и не собираюсь. Без всего этого мне намного проще. Надеюсь, сентябрь никогда не наступит, а Шуфутинский никогда не запоёт.

Время на часах почти десять вечера. Я подвыпивший. Девчонка, что сидит на мне и крутит бёдрами в одном бикини, ещё более пьяная, чем я. Не проходит и пяти минут как мы начинаем горячо и страстно ебаться в джакузи, наплевав на то, что кто-то может это увидеть.

– Эй! – кричит мне Мальцев. – Егор, у тебя труба разрывается.

Сука, как будто мне сейчас до трубы.

– Егooooоооооо! – громче повторяет он, чем неистово меня бесит. Я яростнее её ебу, а она стонет на весь двор. Хочу кончить, блядь. Пиздец как хочу, а не выходит.

– Егор, тут Алина какая-то звонит!

Перемыкает... Как будто с одним словом мой член уходит в отставку. Что это, сука, такое???? Сбрасываю девчонку с себя и вылезая из воды, натянув трусы.

– Эй, ты совсем охренел, Егор?! – кричит она мне в спину. – Егор!

Вытираю волосы полотенцем и пялюсь на экран ещё около минуты. Нервничаю неистово, предполагая зачем она может звонить мне в такой час.

– Да.

– Егор... Привет. Это Алина.

– Я понял. Что?

– Мы не можем до тебя дозвониться. Папе стало плохо. Мама вызвала Гордея, и меня попросили попробовать тебе дозвониться...

– Бля, – протираю пьяное лицо. – Что с ним? Как он?

– Сейчас вроде нормально. Давление скакануло. Мама испереживалась. И ты трубку не брал. Все беспокоились.

– Ясно. Скажи тогда, что буду в течение часов двух... Я просто за городом. Выпил. И за руль не смогу сесть.

– Я могу за тобой приехать, – предлагает она, а у меня язык прилипает к нёбу. Если она меня ещё и заберет отсюда... Я, наверное, ебанусь совсем... Но такси можно прождать долго... Даже за большую плату. – Если... Если ты хочешь, конечно...

– Ладно, я тэг тебе кину.

– Хорошо, – она быстро сбрасывает, а я отправляю сообщение и иду принять ледяной душ, чтобы протрезветь.

Выхожу уже одетый и с вещами.

– Э, ты чё, куда собрался? – выступают пацаны. – Егорыч! Змей!

– Деду плохо. Поехал до дома.

Вижу Алинкино ауди и уже иду в ту сторону, как вдруг откуда не возьмись появляется та девка, которую я драл в джакузи полчаса назад. Даже не помню, как её звать, блин. Всегда за мной бегают.

– Так это из-за неё? – возникает она перед её окном. – Невзрачная сучка. Дело в тачке, Егор?!

– Слышь, пошла вон отсюда, а, – цежу сквозь зубы. Дура, блядь.

Алина смотрит на меня в ужасе, а та продолжает истерить.

– На богатеньких повело?! Даже не дотрахал меня нормально! Ты – козёл, Егор! Просто мудака! Я только ради тебя сюда приехала! – верещит она, а я закрываю Алинкино окно прямо перед её рожей.

– Не слушай, ладно? – бурчу я, глядя в зелёно-ореховые. Она просто кивает и начинает движение, а я закидываю свою спортивную сумку на заднее сиденье.

– Телефон был в доме... Я даже не слышал, что звонили, – объясняюсь я. – Только решил отдохнуть... И на...

– Егор, почему ты просто не попрощался? Хотя бы пока не сказал? Просто уехал ночью? Почему так? – неожиданно перебивает она, глядя на дорогу и сжимая руль.

– Какая разница? Не захотел. Мы не друзья, чтобы я с тобой прощался, – нападаю я, а у самого от услышанного внутри всё болит. Не ожидал такой смелости от Сиротки. Реально не ожидал.

– Не друзья... Всё правильно. Мы – семья, – заявляет она уверенно. – Думала, ты это понял... И мы сможем, наконец... Найти общий язык...

Хватило мне языков... Общих. Хватит. Я уже не настроен ни на общение, ни на какую-либо другую связь, которая мне жилы намертво скручивает.

– Уехал, значит так надо было, – отворачиваюсь и смотрю в окно, она приоткрывает своё.

– Запотели от тебя... – шепчет, а я молчу. Так и едем, изредка переглядываясь. Она, как обычно, в джинсах и в кардигане. Всё закрыто. Волосы собраны в хвост. В ушах виднеются маленькие гвоздики, а на шее висит аккуратный золотой ключик.

– Где твой Буратино, Мальвина? – стебусь я, увидев его. И она тут же отслеживает мой взгляд.

– А это... Мама подарила. На День Рождения.

– Понятно.

Разговор явно не клеится. Я нервничаю, а она, кажется, боится спросить лишнего. И вот мы уже подъезжаем к дому. А я не могу держать в себе. Как прорывает.

– Я не сказал, что уезжаю, потому что мне было стыдно за тот поцелуй, Сиротка. И за то, что произошло позже. Я ещё никогда так дерьмово себя не чувствовал. Тебя заставил переплестаться, а сам так вообще почувствовал себя ничтожеством. Как-то так. Не обессудь, – открываю дверь, не глядя на неё, и торопливо покидаю её тачку, правда, она почему-то не спешит из неё выходить...

Глава 11.

Алина Яровая (Сиротка)

«Тебя заставил переплеваться».

Он что подумал, что мне было тошно или типа того? Что меня от него воротит? Ну, не в этом же дело, не в этом. Но с другой стороны, какая разница, верно? Главное, что мы общаемся обычно. Надеюсь, я не поранила его самооценку этим.

Справившись с эмоциональным перегрузом, выхожу из машины чуть позже его. На душе противный осадок. Видеть его и ту девушку... Мне было неприятно. Не знаю, что вдруг нашло. Но она так грубо и мерзко кричала, что у меня внутри всё сжалось. Как часто он вот так развлекается? Для парней вроде него это нормально, да? Он отдаёт себя всем подряд... А я... Я не хочу даже думать о таком. Всегда мечтала, чтобы у меня был один единственный мужчина. Как у мамы. Только папа. И любовь, которая тянулась много лет. Поэтому для меня то, как он себя ведёт ужасно и неприемлемо...

Захожу в дом, когда все уже дружно сидят и общаются в гостиной. Егор разговаривает с папой, а я сажусь рядом с Гордеем и Миланой.

– Спасибо, что привезла моего оболтуса.

– Не за что, – отвечаю я, и наши взгляды вновь пересекаются. Он, наверное, тоже слышал, что его отец сказал.

– Заставил ты нас поволноваться, Саш...

– Да, бать. Чё удумал-то?!

– Ну, возраст, ребята, дело такое. Вас тоже ждёт подобное! – смеётся он, пока Егор обхватывает его за плечо.

– Ты у нас ещё хоть куда. Глупостей не говори.

И вроде в нашей большой семье он совсем другой. Нормальный. Не агрессивный. Но стоит остаться с ним наедине, как он творит какие-то немыслимые странные вещи.

– Давайте за стол, всех дождались, – зовёт нас мама. Семья у нас большая. Вася и Даня уже караулят торт. Мы все помогаем расставить столовые приборы. Нет да нет я смотрю на него. Сама не знаю, почему. Взгляд сам липнет. Это что-то... Чёрт возьми, странное...

– Егорыч, когда невесту-то свою приведёшь? – спрашивает папа. Я тут же бросаю взгляд в его сторону. Как током бьёт. Всё тело напрягается.

– Не знаю, на неделе, возможно, – равнодушно отвечает он, а меня парализует. Какую ещё невесту??? Какую невесту, если он спал с какой-то девушкой в том доме? Та девушка – его невеста? А что же он тогда с ней так грубо???

– Хорошо, – довольно отвечает отец. Что же со мной такое творится? У меня все щёки горят.

– Извините, я отойду, – быстро выхожу из-за стола и бегу в ванную комнату. Закрываясь на щеколду, сжимаю края раковины и смотрю в зеркало. Мне даже кажется, у меня слезятся глаза. Я вообще не осознаю, что это такое, но почему он не сказал мне, что у него есть невеста? Пока мы ехали... И как бы он это сказал? Ну да... Никак. Да и зачем? Я же для него никто...

Наверное, поэтому и задевает. Из нашей семьи я одна о нём толком ничего не знаю, потому что он к себе никогда не подпускал.

Умываю лицо и возвращаюсь обратно. Они уже болтают о Васькиных успехах в танцах. Она у нас танцовщица, вся в маму. Милана так красиво двигается. Я бы так не смогла. Во мне нет такой грации и пластики. Может, фигура у меня и тоненькая, но я... Не чувствую тела. Словно оно мне не принадлежит...

Сажу и молча ковыряю ужин. Больше в ту сторону не смотрю. Как бы не хотела, борюсь с этим желанием.

– Спасибо, что приехали, – говорит мама, прощаясь с ними. Егор при этом валяется на диване.

– Ты идёшь? – спрашивает его Гордей.

– Я тут останусь. Спать хочу. Много выпил, – бормочет он, прикрывая глаза. Я убираю со стола, но всё это слышу. Родители закрывают дверь.

– Мам, ты иди, вы переволновались. Я сама уберу, – говорю ей, собирая тарелки и включая воду.

– Уверена, дочка? Целая гора ведь.

– Господи, мам. Ерунда какая.

– Ладно. Пойду твоего папу уложу, – смеётся она, а я улыбаюсь. Провожая взглядом и продолжаю убираться. То и дело поглядываю на Егора, который уже почти уснул. Завершаю уборку и подхожу к нему с пледом. Укрываю, почему-то смотрю. Как дышит. Как вздымается его грудная клетка.

Блин... Надо уходить... Иначе так и буду на него пялиться.

Но не успеваю я встать, как меня хватают за запястье.

– Наблюдаешь, как я сплю, Сиротка? – спрашивает с хрипотцой. У меня сердце не может успокоиться. Стучит так, что мы, наверное, оба это слышим. И я не знаю, что ему ответить.

– Нет. Просто накрыла тебя. И всё.

– А чего тогда вся красная? М?

– Я вовсе не красная... Может, немного жарко... Может...

– Ага... Дико жарко. Так жарко, что ты решила меня накрыть...

– Егор, отпусти, пожалуйста.

– Признаешься, что ушла за ужином, из-за того, что услышала?

Господи. У меня ступор. Покрываясь мурашками, растерянно молчу и издаю какие-то звуки, непохожие на что-либо адекватное.

– Н-н-н-нет... Я просто... П-просто.

– Что просто?

– Мне показалось странно, что ты так вёл себя... Со своей... Невестой...

Егор ухмыляется этим словам.

– Кто сказал, что это она?

– Она... Сказала, что... Ты ведь спал с ней? – хмурюсь я, заикаясь.

– И что?

– Фу, Егор, отпусти! – пытаюсь вытащить руку, но он не отпускает. Сомкнул пальцы на моём запястье и держит его возле своей груди.

– Обстоятельства так сложились, что я сейчас не могу быть со своей невестой.

– Потому что... Она осталась в Германии, да... Это та женщина... Извини, я не должна была тогда так грубо говорить о ней. О вас... Прости.

Смотрю на него и думаю, вроде родня, а вроде... Совершенно чужой человек. Это, наверное, ужасно.

– Егор. Ну, отпусти, пожалуйста.

– Не хочу.

– У меня затекла рука. Тебе что... Нравится издеваться надо мной?

– Ты даже не представляешь, как.

Вздыхаю, чувствуя, как он трёт подушечкой большого пальца мою кожу на запястье.

– Как мы будем учиться в одном университете?

– Не знаю. И знать не хочу. Домыла свою посуду?

– Домыла и что?

– Давай фильм посмотрим.

– Фильм? Какой ещё фильм? – удивляюсь я, округляя глаза. Его поведение настолько странное, что вызывает у меня кучу вопросов. – Ты же пьяный и спать хотел. Иначе, зачем остался?

– Ну, перехотел, – заявляет он с улыбочкой на лице. – Я, знаешь... Непостоянный. Очень. Мои желания часто зависят от настроения.

– И что?

– Сейчас я хочу тебя.

– Что?! Егор! – дёргаюсь я, пока он хохочет.

– Фильм давай смотреть, святоша. Пока я не передумал и не выбрал что-то поинтереснее...

Глава 12.

Егор Яровой (Егорыч, Змей)

– А где ты хочешь... Смотреть? В моей комнате... Или в твоей? Или в гостиной? – спрашивает Алина, а у самой пунцовые щёки. Меня, пиздец, заводит эта странная непонятная игра наших организмов. Если ни хрена ко мне нет, тогда отчего она так краснеет? Почему дрожит и почему отчаянно пытается освободить свою руку, которую я буквально силой жму к себе, чтобы чувствовать запах её тела. Кроет, как одеялом. Сразу и с головой. Будто свет везде гаснет...

– В твоей. Мне нравится антураж. Твоя эта... Рука-чесалка... Может я тоже ей что-то почесу, – я ржу, она в панике.

– Дурак! Отпусти, Егор! – девчонка всё-таки вырывает у меня руку и трёт запястье. – Смотри, что ты наделал? Всё красное...

– Давай подую, – выстраиваю я губы уточкой, но она демонстративно идёт на кухню от меня подальше. А я прусь следом. Весь выпитый алкоголь как по щелчку пальца выветрился из организма. Наблюдаю за ней. А Алинка тем временем, достаёт попкорн, ставит в микроволновку, и наливает два стакана газировки.

– Ты же будешь?

– Буду.

Мне даже смотреть на неё по идее нельзя. Но нет, я продолжаю себя мучить. Жадно красть каждый момент нашего мимолётного взаимодействия.

С невестой такая чушь, но как на Сиротку подействовало. С ума можно сойти. Я даже не думал. Отцу ляпнул про это, чтобы отстали от меня наконец. А то вот... Почти двадцать лет... А любимой нет. Как же так... Конечно, у них-то любовь с пелёнок. Ну не с пелёнок, но с первого класса. Тоже самое. А у меня... У меня Алинка.

– Помоги, – просит она, указывая на миску и бутылку. Я беру их и следую за ней в комнату. По пятам иду. И мысленно ору себе в ухо. Не пялся ты на её жопу. Егор, придурок!

– Я тогда ноут достану, хорошо?

– Хорошо, – плюхаюсь на её кровать, широко расставив свои ноги, а она садится сантиметрах в двадцати от меня и открывает ноут.

– Что будем смотреть?

– А что ты любишь, Сиротка?

– Ты можешь так меня не называть?

– Нет, не могу. Давай Маугли посмотрим... Давненько я этот мульт не видел, – издеваюсь я, а она сверлит меня своими красивущими глазами. И впрямь, конечно, обалденные. Даже смотреть страшно. Затянет. Как в мёртвую петлю. Губительно. Летально.

– Егор, я вообще ничего тогда смотреть не буду. Давай по-нормальному.

– Давай.

Отворачиваюсь от неё. Чувствую, как напрягается всё тело рядом с ней. Каждый волосок, каждая мышца... Каждая жила даёт о себе знать. Я будто весь внутри свинцом наливаюсь. Меня уже заебал такой расклад, если честно. Это капец как тяжело, поэтому я весь на нервах. Контролировать себя и осаживать, чтобы не сделать лишнего. Не просто сложно... А будто... Пытаться затащить огромный камень на гору... Сизифов труд. Потому как всё равно не удастся. А последствия будут фатальными для нас обоих. Я уверен.

– Ты видел Дюну?

– Не-а, так и не сходил.

– Давай?

– Ну, давай...

Как будто, мне есть разница, что смотреть. Я один хрен буду пялиться совсем на другое. Например, на прямую идеальную осанку Сиротки и её тонкие плечи.

Она включает, я сильнее откидываю ногу в её сторону, задевая девичье колено. Отчего она жмётся в сторону изголовья.

– Егор...

– Чё ты боишься? По-твоему, я блохастый что ли?

– Господи, причём тут это? Просто ты можешь соблюдать дистанцию? Было бы неплохо для приличия.

– М-м-м... Я очень неприличный. Учти в следующий раз, когда согласишься со мной провести время.

– Думаешь, я соглашусь? Если будешь продолжать в том же духе, я просто тебя выгоню. Фильм начинается. Смотри! – рычит на меня язва. Сознаюсь, в такие моменты ещё сильнее меня заводит. Хочу и дальше срать. Кипит... Дурная кровь сходит с ума. Я ловлю особый кайф от препираний с ней. Как под дозой. Чёртов наркоман, зависимый от её пиздежа.

Накручиваю на палец её густые волосы. Обычно она не ходит с распущенными. А тут распустила зачем-то. Видимо, чтобы добить.

– Алинка – Мальвинка... Так тебе больше нравится, а?

Глаза. Два маятника. Расшатывают меня и мою нервную систему к хренам. Просто из стороны в сторону... А замедляясь, парализуют.

– Ты угомонишься? Отпусти мои волосы.

– Не хочу. А у тебя что, блохи?

– Егор!

Нервно ржу над ней, ибо не справляюсь. С характерным визгом звучат тормоза, которые не работают, если Алина Яровая в метре от меня. Остаётся уповать на остаток мозгов, но, кажись, и их смыло очередным приливом крови в пах...

– Тебе так нравится моё имя, да? Ты часто его повторяешь. Или не имя тому служит причиной?

– Спрячь самомнение, дорогой племянник.

Бля, вот она не может без этого. Хоть бы, сука, день мне не напоминала о нашем сомнительном родстве. Которое из меня последние остатки сил выдалбливает. Будто кувалдой.

У неё вибрирует телефон на тумбе. Она его берёт, а я возмущенно смотрю на то, как она улыбается и пишет что-то кому-то. У меня, блядь, вообще едет крыша. Я не хочу, чтобы она так кому-то улыбалась. И похрен мне, кто это. Даже если синоптики.

– Уже и друга нашла? – спрашиваю, а она вдруг бросает на меня взгляд.

– Ну да, двоих даже, – отвечает, а я чуть ли не мозги выплёвываю, закашлявшись.

– Двоих? Не многовато будет? Любишь извращения?

– Что? – меняется она в лице. – Ты совсем больной?!

Алинка вспыхивает как сверхновая. Захлопывает крышку ноутбука и нервно встаёт с кровати.

– Убирайся, Егор! – цедит сквозь зубы, пока я продолжаю угорать над ней. Вот реально святая непорочность.

– Чё так дёрнулась-то? Будто девственница...

Естественно, я уверен, что она – девственница. Я просто на реакцию посмотреть хочу. И всё, как думал. Глаза как два испуганных блюдца, щёки – багровое зарево. Ты ж моя малышка... Как озлобилась, застеснялась... Эмоциональная пушка.

– Я никому не расскажу, не бойся, – улыбаюсь, рассматривая её фигуру, пока сижу. У Алинки стройные ноги. Очень тонкая талия. Жопа... Жопа, блин... Не берусь даже описывать. Красивая у неё жопа, короче. О таких говорят, орех. Будто качала её что ли специально, но нет. Генетика, видимо.

– Уходи.

– И не подумаю.

Внезапно Алинка подходит ближе, хватая меня за руку и начинает со всей дури тянуть меня на себя, чтобы поднять с кровати. Разумеется, у неё ничего не получается. Я же минимум на тридцать килограмм тяжелее, если не на сорок. А вот в следующую секунду я дёргаю в ответ. Девичьи ноги подкашиваются, и вот Сиротка сидит уже прямо на моих коленях.

Оба чувствуем, что у меня встал, и она начинает сопротивляться и визжать на всю комнату, а мне снова приходится зажать её рот рукой.

– Рядом с тобой я начинаю чувствовать себя маньяком. Замолчи, – рычу на неё, пока её глаза сияют перед моими, как два бриллианта. Одной рукой я сжимаю её плечо, второй – рот. Маленькие ноздри раздуваются сильнее. Она жадно втягивает воздух ими и дрожит. Естественно, как тут спрятать мою реакцию? Всё внизу настроено на жёсткую еблю.

А за дверью вдруг слышится голос бабушки.

– Аль, всё хорошо? Ты в порядке?

Клянусь, если начнёт выделяться, объявлю войну похуже той, что была раньше...

Глава 13.

Алина Яровая (Сиротка)

– Я разжимаю. Ты отвечаешь. Поняла меня? – шепчет он, пока я метаю в него молнии глазами. Что за странные замашки насильника???

Киваю, и рука тут же сползает с моих губ, но так медленно, что он будто специально оттягивает их вниз, заставив приоткрыть рот.

– Да, мам. Всё нормально. Я фильм смотрю. Ужастик.

– Хорошо.

Грудь вздымается, а он продолжает удерживать перед собой за плечо.

– Ты реально маньяк. Отпусти.

– Отпущу, когда успокоишься.

– Я спокойна, блин, отпусти! – резко встаю с его колен и отряхиваюсь. Меня всю трясёт до сих пор. – Ты заставляешь меня нервничать.

– Значит, ты реагируешь на меня, Сиротка. Польщён.

– Егор, мы не можем общаться. Ты в упор отказываешься соблюдать правила.

– Которые придумала ты.

– Что же... Для тебя таких не существует?

Егор валяется на моей кровати и берёт подушку.

– Никаких правил, подкидыш. Всё в твоей голове.

Сжимает её и... Он что... Её нюхает? Господи.

– Я сейчас уйду в гостиную спать. Раз ты так себя ведёшь.

– Иди. А я почитаю на ночь что-нибудь интересное, – он вновь встаёт и тащится к моей полке, но дневники я оттуда убрала.

– Ну, попробуй. Найди.

– Поиграть что ли решила? Вообще без вопросов.

Секунды не проходит, как Егор рывком приподнимает мой матрас. Как раз туда я их и переложила, блин. Как он так быстро догадался???

На его лице появляется знакомая ухмылка.

– Ну, вот чё ты такая... Предсказуемая... Правильная... Аж тошно, Алинка.

– Ты имеешь в виду, почему я не сплю с кем попало в загородных домах и не позволяю тебе касаться меня?! – подхожу и грубо выдёргиваю из его руки свой дневник. – Не трогай, сказала же!

– Я имею в виду, – Егор взмахивает рукой, а я цепенею. Кончиком пальцев он касается моей щеки, а затем заводит за ухо мои распущенные волосы. Меня в жар бросает, стоит только подумать о том поцелуе. Только вспомнить... Сейчас всё выглядит так, словно он хочет его повторить... А я? Я хочу? Господи, какой стыд. – Почему ты никогда не делаешь того, чего хочешь?

Боже, как же двусмысленно прозвучало...

– О чём ты? Чего я хочу, – хмурюсь, отшатываясь от него как от прокаженного. Он ухмыляется, обходя меня со всех сторон. Заставляет действительно напрячься.

– То есть, этот образ намертво впечатан в твою ДНК, да? – словно издевается он.

– У меня нет никакого особенного образа, Егор. Я не из твоего круга, это правда. Я даже не родная тебе...

– Вот ты это и сказала... Сама. Никто за язык не тянул.

– Ну и что? Для кого-то это секрет? – уточняю я. – Потому что явно не для меня или тебя. Тебе хорошо известно, кто я такая. Ты что тебя так задевает? По-твоему, я недостойна

быть Яровой? Всё ещё не достойна? Или же дело в другом? – набираюсь смелости и подхожу к нему ближе. – Чувство... Будто ты... Будто я тебе...

– Скажи это, Сиротка. И я заставлю тебя жрать собственные дневники, – злится он, сжимая челюсть.

Чёрные глаза напитаны злобой и яростью. Но я уже не могу носить это в себе.

– Егор... Я что, тебе нравлюсь?

Впервые ощущаю гнев, сносящий с ног. Он не просто рушит на меня весь свой пыл, он готов раздавить меня как таракана. Цепкие жесткие пальцы хватают за скулы и вдавливают меня в стену, а сам он нависает сверху, пока я дрожу. И да, мне страшно. Мне страшно и даже чуточку больно. Где-то там... Внутри.

– Возомнила себя кем, а, Святоша? Смелости набралась. Похвально, конечно. Только одного не учла. Ты себя видела? Думаешь, я бы посмотрел на такую? Без вкуса, без имени, без характера.

Господи, как же неприятно всё это слышать. Как же несправедливо и некрасиво. Я ведь хотела подружиться. Смотрю прямо на него. Лоб в лоб и внутри всё горит. Я больше не стану проявлять доброту. Больше нет.

– Как же мне мерзко видеть тебя, Егор. Как тошнит от твоих слов. Сразу хочется помыться. Зачем я только предложила всё это... Зачем за тобой поехала?

– Очевидно ответ один. Ты сама от меня ссышься, вот и бегаешь за мной как собака на привязи.

– Ясно... Я поняла тебя, – снимаю с себя его пальцы. – Не подходи ко мне больше. Я не стану общаться. И дружить с тобой я больше не хочу. Твои перемены в настроении меня больше не интересуют. – я беру свою подушку и иду на выход. – И совет тебе, Егор. Если человек тебе не ровня, лучше сразу скажи ему об этом. Так хотя бы меньше шанс, что тебе придётся тратить на него своё драгоценное время. Смотреть с ним фильм или ночевать в одном доме, поливать его розы и учить его водить, когда об этом никто не просит. Я ведь тебе всё это предложила, верно? – я захлопываю за собой дверь и ухожу. Мне плевать даже если он прочитает все мои дневники. Там нет ничего хорошего о нём. Всё только самое плохое. И сейчас я тоже его ненавижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.